

Й. МАРДОСА
(Вильнюс)

ОСВЯЩЕННАЯ ВЕРБА В ОБРЯДАХ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЫ

И зучая народную культуру, мы сталкиваемся с предметами, которые используются в христианском богослужении как священные символы. Одним из таких предметов являются распускающиеся (дающие почки и зацветающие) ветки вербы, которые освящают в христианских храмах в последнее воскресенье перед Пасхой в честь входа Иисуса Христа в Иерусалим, во время которого, по словам Евангелия, народ устилал ему дорогу ветвями (Мф. 21: 8; Мк. 11: 8) и одеждами (Лк. 19: 36); в Евангелии от Иоанна упоминаются также пальмовые ветви (Ин. 12: 13). Освящение веток деревьев христианская церковь включила в цикл пасхальных обрядов в конце V столетия, а в VIII веке обычай окончательно утвердился в религиозной традиции [Kudirka 1992, 6]. Во многих странах Европы освящаемый материал (вербы, пальмы, цветы) определяет именование праздника. Восточно- и южнославянские народы, а также некоторые народы, живущие по соседству с ними, объединяет название праздника — слова с корнем *vr̥b-* (*верб-*), ср. рус. *Вербное воскресенье*, — по названию освящаемых веток вербы¹.

¹ День праздника во многих странах называют «Пальмовое воскресенье». Таково официальное название праздника у итальянцев, однако в этот день они освящают и оливковые ветви, поэтому в народе праздник именуют «Днем оливы» [Красновская 1977, 22—23]. У южных славян наряду с другими названиями есть и термин *вр̥бница* у македонцев [Кашуба 1977, 256], *вр̥бниця* у болгар [Колева 1977, 286]. Даже эстонцы (также финны, см.: [Шлыгина 1977, 127]) в юго-западной части страны праздник называют по примеру русских и води *vr̥ber̥äev*, а не *palmi puudepäeva*, как на остальных территориях [Хийемяэ 1991, 33]. В Польше освящаемые ветки именуют «вербами» (*wierzba*) и «пальмами» (*palma*) [Ганцкая 1977, 208].

Церковь использует вербу в первую очередь как элемент своего символического языка. В народной культуре верба функционирует в разных ритуалах как важный обрядовый инвентарь. Важно подчеркнуть, что, хотя христианство освященным предметам не приписывает чудодейственной силы [Bartkus, Aleksa 1953, 467], в традиционной культуре сакральный материал используется в различных, в том числе и магических, целях. Более того, формы применения освященных предметов многообразны как в пределах проживания отдельного народа, так и на сопредельных территориях, что обусловлено культурными связями, природными условиями, языковыми процессами, историческими традициями. Данные обстоятельства и пробуждают интерес к изучению «вербной» тематики в пределах области, где перекрещиваются культурные, этнические и конфессиональные факторы.

В настоящей статье поднимается вопрос об использовании освященной вербы в обрядах и обычаях в современной Западной Белоруссии и Восточной Литве. Несмотря на условность выделения, данная территория имеет ярко выраженные черты единого этнокультурного региона. В Средние века эти земли входили в состав Великого княжества Литовского, а на протяжении XIX и большей части XX столетия имели общую историческую судьбу, и только в конце XX века. Западную Белоруссию и Восточную Литву разделили реальные государственные границы. Проживающие здесь поляки и литовцы являются католиками, белорусы, как и русские, — православными, часть белорусов принадлежит к католической церкви.

«Вербой» (*verba*) называют освящаемый букет и литовцы. В Литве ветки впервые называли *werbamis*, а праздник — *Werbniezia* лютеране в 1573 г. в так называемой «Постыли Вольфенбютеля», в которой при описании праздника среди литовцев Восточной Пруссии отмечается, что «вербы» изготавливаются из хвороста или ивы [Vyšniauskaitė 1994, 34]. В настоящее время в Литве «вербой» называют праздничную декоративную ветку в виде шести из сухоцветов или специально подобранных растений (аналог «пальмы»). Так освящаемые литовские букеты именуются и в данной статье.

В литовской и белорусской этнологической литературе «вербная» тематика не получила достаточного освещения. Например, литовскими этнологами «вербы» изучаются как составная часть календарных праздников, в том числе обычаев Страстной недели [Kudirka 1992, 5—12]. В исследованиях так называемых «вильнюсских верб» они предстают как изделия народного искусства [Там же, 6—7]. В таком же аспекте вильнюсские «вербы» («пальмы») изучаются и белорусским этнологом О. Лобачевской [Лобачевская 2003]. «Вербы» в обрядах в локальном пространстве — на территории одной религиозной единицы, Тракайского деканата первой половины XX века, изучала Д. Свидинскайте [Svidinskaitė 2001]. Литовские ученые коснулись «вербной» тематики в контексте изучения этнологических проблем литовско-белорусского пограничья. К таким исследованиям, в частности, относятся статьи Р. Мяркене [Merkienė 1981, 105; 1997] и отчасти А. Вишняускайте [Vyšniauskaitė 1977, 167—168]. Конкретные сведения о функционировании освященной вербы в традиционной культуре находим в работах русских, белорусских и литовских ученых и краеведов [Соколова 1979, 98—101; Земляробчы календар 2003, 152—155; Лозка 2002, 89—90; Ralytė 1995; Milius 1962, 201—203; Žumbakienė 2002, 248; Balys 1993, 113—116]. Исследования охватывают период конца XIX и первых десятилетий XX века (в трудах литовских исследователей до середины XX века), современная же ситуация не изучается.

Мы попытаемся выяснить, как в обозначенном нами регионе используется освященная верба в различных обрядах; проследить современное состояние обрядности и магических практик, их связь с традицией, выявить роль в этом религиозного и этнического фактора.

В основу статьи положены данные полевых исследований, которые проводились в Белоруссии в 2004 г. и в Литве в 2004—2005 гг. В Белоруссии материал собирался накануне и во время празднования Вербного воскресенья у православных церквей и костелов путем свободного интервью в Молодечне, Барановичах, Ошмянах. Объектом опроса стали участники богослужения, а также

продавцы вербы среднего и пожилого возраста, в основном сельские жители; продавцы веток вербы проживали также в Вилейском, Воложинском и других районах Восточной Белоруссии, поэтому границы исследуемого региона расширились до Минска. Таким образом, собранная информация охватывает интересующую нас территорию. В Вербное воскресенье в 2004 г. для исследователя создались благоприятные условия, так как совпали дни православного и католического праздника. Сбор полевого материала осуществлялся по специальному вопроснику (составил Й. Мардоса), включающему 21 вопрос. В 2004—2005 гг. опрос имел продолжение в Вильнюсском, Шальчининкайском, Швенчюнисском, Зарасайском районах Восточной Литвы. При сборе материала во время этнографической практики присутствовали студенты Вильнюсского педагогического университета. Фотофиксация «верб» во время Вербного воскресенья производилась в костелах Вильнюсского района, а также у костелов и православных церквей г. Вильнюса в 2005 г. Всего в Белоруссии опрошено примерно 35 и в Литве около 50 человек, проживающих в сельской местности и отчасти в городах. Сбор материала производился в двух направлениях с целью выяснить: 1) какие растения используются для изготовления «верб», 2) как используются освященные ветки в обрядах.

Что используют как освящаемый предмет в Вербное воскресенье. Природные условия изучаемого региона определяют традицию выбора для освящения возникающих после зимы веток деревьев. Наиболее часто используются ветви разных пород ивы. Белорусское слово *варба*, как и польское *wierzba*, означает все разновидности деревьев и кустарников, входящих в семейство ивовых *Salix* [Тлумачальны слоўнік 1977, 601; Słownik języka polskiego 1992, 711]². Начало вегетативного периода и периода цветения

² В словаре В.И. Даля *верба* также толкуется как «родовое название деревьев множества видов *Salix*» [Даль 1978, 178], однако в действительности вербой называют некоторые виды ивы [БСЭ 1971].

ивы приходится на раннюю весну. Особенно красивыми сережками весной украшается бредина [Navasaitis et al. 2003, 304—308].

Очевидно, что весной ветви ивы, первыми выпускающие листочки и сережки и символизирующие возрождение природы, ярче всего выражают суть пасхального периода. Существуют территориальные и этноконфессиональные различия в подходе к используемому материалу. Православные Белоруссии, как и Восточной Литвы, используют и признают как истинный символ праздника только ветки вербы. Та же традиция закрепились и среди живущих на северо-востоке Литвы старообрядцев.

Наряду с вербой используют также можжевельник. Ветки можжевельника (как отдельно, так и вместе с ивой) во второй половине XX века начинают активно использоваться в первую очередь в Восточной Литве (в том числе русскими православными), где можжевельник мало распространен в традиционной культуре; он свойствен центральной и западной Литве [Kudirkā 1992, 5]. Традиция использования можжевельника существует и на территории Белоруссии (чаще у католиков). В настоящее время значение можжевельника в составе «верб» в восточной части Литвы постепенно возрастает.

В Восточной Литве распространены «вербы», украшенные сухими полевыми или садовыми цветами (окказионально встречаются и в пограничных с Литвой районах Белоруссии). Они имеют прямую связь с традицией изготавливать искусственные вербы из сухоцветов, придавая им пальмообразный вид, сформировавшейся в середине XIX века в окрестностях Вильнюса в польскоязычной среде [Kudirkā 1992, 8; Лобачёвская 2003]. Ныне такие «вербы» имеют стабильный спрос среди литовских и польских католиков. Православные в исследуемом регионе отдают предпочтение живым растениям, тем самым подчеркивая пасхальную идею Воскресения. Хотя искусственно сделанные «вильнюсские вербы» освящаются в костелах, по данным опроса, они не используются столь активно, как срезанные перед праздником и освященные ветки вербы, в семейных и календарных обрядах и выполняют в

основном религиозно-декоративную функцию (однако в Вильнюсе используются в похоронных обрядах, их втыкают в могилы).

Следует заметить, что в современной ситуации верующим иногда бывает трудно соблюсти традиции при покупке вербы. Прихожане, приобретающие ветки у костелов и православных церквей, вынуждены довольствоваться тем, что им предлагают продавцы. Определенное влияние на то, из чего изготавливаются «вербы», оказывают и процессы секуляризации общества (часто к «вербам» относятся как к декоративному элементу). Поэтому изготавливаемые самими верующими «вербы» более соответствуют как религиозной, так народной традиции. Сохранность традиции обеспечивается и тем, что ветки продают сельские жители.

Цели использования освященных веток вербы. Современная католическая традиция подчеркивает религиозную символику «верб» и отмечает, что «верующим необходимо надлежащим образом объяснить значение обрядов, чтобы они могли понять их истинный смысл. Им необходимо напомнить, что важно участвовать в процессии, а не только получить “пальмы” или оливковые веточки» [Liaudiškojo pamaldumo 2004, 18]. Религиозный акцент является основным и в православной трактовке освящаемых растений. Однако анализ использования освященной вербы не позволяет сделать вывод, что в настоящее время литургическое предназначение вербы вытеснило функции вербы в традиционной культуре. Таким образом, в значительной мере сохраняется равновесие между использованием освященных веток вербы как христианского символа и их применением в разнообразных народных ритуальных и магических практиках; последним до сих пор отдается предпочтение. Освященную вербу используют в первую очередь как *апотропей*, т.е. с целью защиты. В таком контексте употребление освященных веток вербы среди литовцев Восточной Пруссии впервые упомянуто в 1573 г.³ и в начале XXI века

³ В источнике отмечено использование верб в гаданиях, втыкание скрещенных веток

на исследуемой территории тенденции сохраняются. Другие магические функции, по материалам исследования, играют второстепенную роль. В апотропейной перспективе использования вербы целесообразно выделить две формы: *долгосрочную* и *«моментальную» (ситуационную)*.

Долгосрочная апотропейная форма является основной и наблюдается в тех случаях, когда человек использует освященную вербу с целью обеспечить на весь год (до следующего Вербного воскресенья) здоровье животным, членам семьи и т.д., а также защиту жизненно важных объектов: дома и хозяйственных построек — от влияния стихийных бедствий и других напастей. В день праздника после освящения вербы исполняют обряды с нею. Ветки помещают в определенное место: в красный угол избы, в углы жилых или хозяйственных построек, под крышу дома, за стропила. Белорусы в день праздника крестят (осеняют крестным знаменем) вербой окна и двери (Вилейка), чтобы уберечь постройки от грома, грозы, молнии. Считается, что верба, хранящаяся в красном углу (у иконы), способна очищать помещение от любого зла (Воложинский, Ошмянский р-ны, Барановичи). Иногда освященную вербу помещают в красный угол или прикрепляют над входной дверью уже после Пасхи (всю неделю до Пасхи она стоит в вазе). Современным вариантом *хранения освященной вербы* является помещение ее за стеной ковер у кровати для защиты сна людей (Молодечно, окрестности Сморгони и Мяделя), в гараж, а также под крышу дач на садово-огородных участках (Минск, Молодечно).

Формы хранения освященного предмета могут варьироваться в зависимости от того, какое растение используется для изготовления «вербы». В частности, «вербы» из можжевельника после Вербного воскресенья обычно в течение месяца (пока иголки можжевельника не начнут осыпаться) хранят в красном углу у ико-

над дверью, окнами или воротами [Vušniauskaitė 1994, 34]. В известной мере такое применение освященных «верб» имеет место у многих народов.

Затем высохшие иголки кладут в мешок или заворачивают в бумагу и держат у икон или на подоконнике. Мешочек с иголками может в дальнейшем использоваться и как оберег при «моментальной» (ситуационной) форме защиты, например как отгонное средство при грозе, для окуливания (Ошмяны, Островецкий р-н).

«Отслужившие» свой срок в качестве христианского символа ветки вербы сжигают после Пасхи или переносят в сарай для защиты животных от болезней. «Верба» из можжевельника, помещенная через год под крышу или в другое место внутри хлева, обязана охранять животных от грома (Молодечно). Освященную вербу могут хранить в жилых помещениях в течение года, до следующей Вербной недели, и только затем переносить в другое место (под крышу жилого дома, в другие постройки). Под крышу или за стропила кладут и не использованные в магических обрядах ветки вербы с целью уберечь дом от грозы и молнии. В Восточной Литве при сохранении обычая хранить «вербу» в традиционных местах обнаруживается и иной подход: «вербы» трактуются прежде всего как религиозный символ. В частности, информанты отмечают, что вербу как сакральный предмет нельзя держать в сарае (Вильнюсский р-н).

Через год в Пепельную среду оставшиеся прутья (как и все виды «верб» в целом) носили в костел, сжигали и по возвращении домой пеплом посыпали головы членов семьи. Сейчас преобладает способ сжигать прошлогоднюю вербу в домашних условиях. При этом пепел может использоваться по-разному: его закапывают под крестом (Зарасайский р-н, д. Проткунава), им посыпают огород.

С целью *защиты*, а также как *продуцирующее* и *целительное* средство освященная верба использовалась при *бичевании* и *окулировании* людей и животных в календарных, обходных обрядах и в народной медицине.

Бичевание скота связано с обрядом первого выгона на пастбище, который, как и у многих народов Европы, на исследуемой территории связан с весной и днем св. Георгия. (В настоящее время

приурочивать первый выгон скота ко дню св. Георгия могут лишь православные, у которых из-за особенностей календаря этот день приходится на май.) В бичевании скота в первый день выгона в Белоруссии традиционно использовались ветки вербного дерева, и в белорусской этнографической литературе это действие определяет основную функцию освященной вербы [Лозка 2002, 89—90; Земляробчы каляндар 2003, 319, 330]. Взаимодействием культур можно объяснить распространение в первой половине XX века такого способа выгона скота и в Восточной Литве [Merkienė 1981, 105; Svidinskaitė 2001, 196, 210]. Вербное дерево весной раньше других распускает почки, т.е. появляющаяся вегетативная сила дерева магическим образом, посредством прямого контакта, может передаваться животным. Неслучайно в близких к Белоруссии районах Литвы скот выгоняли с веткой бредины или ивы, тогда как в западной ее части преобладал можжевельник⁴. Магическое воздействие на скотину обеспечивается по-разному: ее бьют три раза (Белоруссия), бьют три раза и затем благословляют животное крестным знаменем и благодарят Бога (Вилейка). Ветки вербы должны быть длинными и крепкими, тогда и животное станет крепким (Барановичи) или от большой вербы появится больше здоровья у коров (окрестности Минска). Целью традиционного выгона скота с веткой вербы была защита животных от болезней и несчастных случаев, ворожбы, дурного глаза, от змей и волков, а также желание усмирить животных, заставить их слушаться пастуха, предотвратить разного рода опасности и беды: нападение волков, укусы змей, телесные повреждения. Раньше в магических целях использовали также освященную воду, крашеные яйца, крестное знамение, особенно когда действие приурочивалась ко дню св. Георгия. В настоящее время продуцирующий и вегетативный аспект в бичевании скота сохраняется, но обозначается косвенно при вы-

⁴ Подробнее см.: [Merkienė 1981, 105—106]. Необходимо заметить, что на западе Литвы весна начинается позже, чем на востоке, на неделю-две.

боре для освящения ветки вербы; действие представляет собой вид оберега. Этот обычай постепенно отмирает, что связано с изменениями в хозяйствовании — пожилые жители перестали содержать коров (Вильнюсский р-н).

Данные исследования показывают, что целенаправленное использование вербы в продуцирующих целях в других областях хозяйствования занимает незначительное место. В то же время сохраняется обычай *бичевания людей в Вербный день*. Этот обычай свойствен многим народам Европы, однако уже в конце XIX века он перестал активно функционировать среди взрослых и стал областью развлечений детей [Токарев, Филимонова 1983, 155]. В Западной Белоруссии и Восточной Литве эта традиция жива и по сей день, однако мало практикуется молодежью, которая в условиях современности не является активной участницей обрядов. Традиционно утром Вербного воскресенья родители хлестали ветками вербы спящих детей с целью передать им вегетативную силу растения; хлестали друг друга молодые люди, соседи при встрече до посещения храма. В Белоруссии магическая перспектива образуется и иным образом. Детей или каждого встречного хлестали вербой три раза, при этом обращали внимание на количество веточек — необходимо было иметь три (Барановичи).

В конце XX века возрастает роль христианского начала, поэтому преобладает использование освященных веток. Членов семьи (особенно внуков) хлещут чаще всего по возвращении из церкви домой, т.е. акцентируется не вегетативная сила ветки, а ее сакральность. Христианское преобладает над магическим и в используемой при бичевании вербальной формуле. В традиционной формуле подчеркивали магические, продуцирующие мотивы и цели. В Восточной Литве еще в середине XX века католики хлестали девушку, которая не выходит замуж (Дукштас, Вильнюсский р-н). В Дягуче (Зарасайский р-н) мать утром будила дочь и, ударяя веткой вербы, говорила: «Вставай, вставай, не ленись, после Пасхи выходи замуж» («*Kelkis, kelkis netingėk, po Velykų ištekėk*»). В со-

став современной формулы в основном входит напоминание о приближающемся празднике. Интересно, что литовцы напоминают об оставшейся до Пасхи неделе, а поляки и белорусы чаще всего говорят, что через шесть ночей или через шесть дней и ночей придет Пасха: «*Wierzba bije, nie zabije, za sześć noc i Wielkanoc*» (католики); «*Верба б'ється за тыдзень — Вялікдзень*» (Вилейский р-н — белорусы-православные). Отмечая сохранение обычая бичевания, несправедливо было бы обойти факты отрицательного отношения людей к этому действию по религиозным соображениям, даже если само действие носит развлекательный характер. Некоторые православные Белоруссии (Вилейский р-н), как и литовцы (Зарасайский р-н), утверждают, что использование в бичевании вербы является неуважением к Иисусу Христу.

Как оберег животных, хозяйственных построек, людей используется *окуривание* дымом сожженной вербы. Окуривание чаще всего применяется в *обходных обрядах*, в которых моделируются границы действия благоволия и которые строятся на ожидании, что возможные бедствия не пересекут границы окуреного пространства. В первой половине XX века в Вербное воскресенье обходили дом или жилые помещения для защиты их от стихийных бедствий с горящей веткой вербы, с курильницей (Воложинский р-н). В Вербное воскресенье или в день Пасхи обходят жилой дом для здоровья людей (Барановичи). В Зарасайском районе литовцы помимо внутренних помещений жилых домов окуривали также сарай с повозками. Исключением являлась баня — грязное помещение, которое не окуривали.

Несмотря на то что дымом сожженной вербы окуривали постройки и помещения, традиционной сферой применения окуривания было животноводство. Поэтому и в конце XX века местами наблюдалось ранее бывшее широко распространенным окуривание скота, в первую очередь коров. Окуривание, как и бичевание животного веткой вербы, осуществляется в день символического выгона скота на пастбище (в день св. Георгия или в первый день пастыбы). Окуривание может заменять бичевание, или оба действия могут входить в состав

более сложного обряда. Окуривание совершали следующим образом. В ведро, угольный утюг, кастрюлю, на тарелку или просто на кусок жести сыпали раскаленный уголь и клали ветку вербы. По исследованиям литовского этнолога Р. Мяркене, так окуривали скот в основном в Западной Литве. В 1930—40-е гг. в Восточной Литве для окуривания почти не использовали вербу (для этой цели использовались различные освященные травы) [Merkienė 1981, 104—105], однако наш материал показывает, что уже с середины XX века на исследуемой нами территории используется и верба. В некоторых местах скот не выгоняли с веткой вербы, а только окуривали (например, в Игналинском р-не). Для второй половины XX века характерно отсутствие приурочивания действия ко дню св. Георгия.

Окуривание должно обеспечить магическое воздействие на скот в течение всего периода пастыбы. В структуре обряда нет четко выраженной последовательности действий, всё зависит от целей, которые ставит хозяин, пастух (в настоящее время это, как правило, женщина-хозяйка). С недавних пор при окуривании чаще используют прошлогодний можжевельник, иногда ветки туи (Барановичи). Обычно с благоволием обходят вокруг животного (Воложинский р-н)⁵. Если окуривание совершают с использованием горящего можжевельника, его остатки кладут в углубление под порогом, чтобы предохранить коров от сглаза (Ошмяны). Литовцы Белоруссии, окуривая скот, дополнительно осеняли его крестным знаменем. В Восточной Литве скот окуривали дважды — в хлеве и во дворе рядом с хлевом. Таким образом, окуривание должно было не только защитить скот, но и обеспечить охрану хлева в целом. Само животное (корова) окуривалось под брюхом и шей, особенно большое значение придавалось окуриванию вымени, морды, т.е. функционально важных и малозащищенных частей тела.

⁵ В Восточной Литве и частично в Западной Белоруссии в конце XIX — начале XX века действие исполнялось трижды при обходе с разного рода благоволиями вокруг коровы или стада [Merkienė 1981, 104].

Основной целью использования окуривания в «*моментальной*» (*ситуационной*) апотропейной форме является превентивное использование вербы перед лицом реальной опасности, поэтому применение дыма, благовония для окуривания построек, людей, животных может быть как самостоятельным, так и дополняющим долгосрочную апотропейную форму актом. В первую очередь, верба используется как отгонное средство при охране домов *перед грозой, молнией*. В Литве при появлении ветра также жгут ветки, сухие иголки можжевельника, входящего в состав прошлогодних «верб». В превентивных целях иглами можжевельника окуривают постройки снаружи, бросают их в печку и затем закрывают дымовую трубу. Следует подчеркнуть, что используются только освященные ветки. В Барановичах зафиксирован случай использования веток туи. Там полагали, что «вербы», изготовленные из можжевельника и особенно ивы, для окуривания непригодны. В Ошмянах (район Вилейки) при охране жилого пространства сначала следовало сжечь вербную почку или целую ветку вербы, три раза перекрестить помещение (особенно окна), а в конце обряда зажечь «громницу» — освященную сретенскую свечу. (Или поставить «громницу» на подоконник, а дымом можжевельника окуривать помещение.) Православные при приближении грозы ставят у иконы кусок освященного хлеба или ветку вербы и молятся пророку Илье, а дополнительно зажигают «громницу» и окуривают помещения вербой (окрестности Вилейки). Во время грозы зажигают «громницу», берут в руки вербу, крестятся и молятся (Сморгонь). В Восточной Литве «вербы» также используются как средство от грозы, молнии: следует перекрестить себя, затем — «вербу» и, наконец, молясь, окуривать комнаты и двор [Ralučė 1995, 356]. В Дягучае (Зарасайский р-н) перед грозой старообрядцы при окуривании помещения также крестились. В Вилейке для защиты от пожара освящают двери и углы помещений святой пасхальной водой и дополнительно окуривают данные места вербой. Во время пожара берут освященный хлеб, вербу или другие святыни и обходят объятые пожаром постройки (там же). В Виль-

нюсском районе от грозы ставят вербу на подоконник, а чтобы гроза прошла, зажигают свечу (одна информантка перед грозой обходит вокруг дома с колокольчиком, который ей 20 лет назад привезли из Ватикана).

Превентивные функции выполняет и окуривание детей, а в некоторых случаях и взрослых. Окуривание также используется как *целительное средство*: людей окуривают при болезни (Восточная Литва, Сморгонь, окрестности Минска). Профилактически детей окуривают в Вербный день (окрестности Минска). Окуриванием лечат при нервных заболеваниях. Окуривают детей при беспокойном сне, в Сморгони таким образом лечат и детей и взрослых от испуга. Отмечены случаи окуривания детей можжевельником (Молодечно). В Белоруссии часто в лечебных целях наряду с веточкой вербного дерева и можжевельника в курильницу кладут веточку туи. В Вильнюсском районе при лечении от испуга информантка прикрыла голову больной и обнесла вокруг нее благовоние против часовой стрелки (г. Немечине). Вводя в ритуал при описании магического круга образ часовой стрелки, исполнитель обряда подчеркивает временной аспект: состояние здоровья ребенка как бы «откручивается» в изначальное (здоровое) положение.

Старообрядцы в Дягучае (Зарасайский р-н) клали ветку вербы в подушку для покойника. В Восточной Литве покойников обычно окуривают освященным можжевельником. Это связано с поверьем, что после смерти человека его душа не оставляет дом [Vyšniauskaitė 1961, 135—136], поэтому дым очищает домашнее пространство. В данном случае верба также действует как оберег (в первой половине XX века в Тургяляе Шальчининкайского р-на верили, что неосвященный можжевельник не пахнет). В Восточной Литве окуривание считают действенным средством от влияния дурного глаза⁶.

⁶ Исключительной чертой исследуемой территории является использование красной нити от «верб» для защиты от сглаза людей и животных (привязывают к упряжке лошадей, к детской шапочке). Также ею обвязывают больные суставы [Danilevič 2004].

Вербным почкам в традиционной культуре также приписывались магические функции. В Восточной Литве известны случаи их использования в лечебных целях. В Вербное воскресенье почки дают детям как профилактическое средство (Девянишкес), при боли горла съедают одну почку (окрестности Швенчёниса). Юноша (г. Швенчёнис) вспоминает, как его в конце XX века поили чаем из вербных почек во время болезни. Православная информантка из местечка Тургяляй (Шальчининкайский р-н) утверждает, что настойка вербного дерева полезна при лечении болезней желудка и мочевого пузыря. Сама она, используя настойку в притираниях, вылечила опухоль на ноге. Примечательно, что в условиях современности следы реального использования освященной «вербы» в лечебных целях чаще всего мы находим в Литве (сохранились и в памяти белорусов).

Моделируя границы религиозно-сакрального и магического, мы должны отметить характерную черту современности, особенно среди католиков Литвы, где наблюдается постепенное отмирание магической трактовки верб и возрастание значения религиозных обычаев. Ветки деревьев освящаются и используются в качестве декоративного украшения помещений и как религиозный символ, что соответствует духу и реальной трактовке документов Ватикана, в которых отмечается, что «пальмы или оливковые ветки хранятся дома как символ веры в мессийную роль Иисуса Христа и как подтверждение его Воскресения» [Liaudieskojo pamaldumo 2004, 18].

Примечательно, что в Белоруссии (Минск, Барановичи) католики во время праздника кладут освященные ветки у скульптур с изображением святых во дворе костела, а православные — у иконостаса в церквях. То, что на исследуемой территории верба используется в комплексе с другими освященными символами и святынями, позволяет предполагать, что в конце XX столетия в обрядах сохраняют позиции стремление связать оберег с освященным инвентарем в целом, так как в народной традиции освященные символы и святыни выполняют приблизительно одинаковые функции. В народной практике обрядовые

действия могут осуществляться и без привлечения конкретных освященных предметов, кроме того, их набор может варьироваться. Таким образом, на первое место выходит религиозная значимость освященного предмета.

Подводя итоги, можно отметить, что в регионе обнаруживаются два вида растений, применяемых для изготовления «верб» и имеющих прямую связь с их дальнейшим употреблением. Как оберег и продуцирующее средство чаще используются ветки вербы, при окуливании возрастает роль можжевельника, который распространен в Литве и становится особенно важным в приграничных с Восточной Литвой районах Западной Белоруссии. Снижение объема дальнейшей применения вербы («верб») в ритуально-обрядовой жизни и возрастающая их социокультурная ценность («вербы» покупают и неверующие) влияют на состав и образ букета, в котором акцентируется декоративное начало.

«Верб» в первую очередь являются религиозным символом. В то же время они занимают стабильное место в народной религиозности, поэтому в обрядах используются как в религиозных, так и в магических целях. И сегодня верящие в действенность освященного инвентаря сохраняют традицию использовать вербу с целью заручиться помощью освященного предмета в различных областях жизни. В магических действиях основным является нацеленное на *долгосрочное* и — в меньшей степени — *моментальное* (*ситуационное*) апотропейное воздействие верб. В этой области основную роль играют многообразные формы применения освященного предмета. Характерной чертой присутствия «верб» в комплексных защитных ритуалах является их использование не как конкретного освященного инвентаря, а как святыни в целом.

Важной чертой в бытовании современных «верб» является постепенное перемещение смысловых акцентов в трактовке этих освященных предметов с магического на сакральное (христианское). В Западной Белоруссии обнаруживается сближение православных и католиков в сфере народной религиозности. Кроме того, прослеживается экуменический подход к вербе в целом. Этниче-

ский фактор в изучаемых вопросах играет определенную роль лишь в той мере, в какой он связан с конфессиональной принадлежностью людей. Католики Восточной Литвы часто сосредотачивают внимание на освящении и использовании «верб» в быту в качестве христианского и декоративного символа. Поэтому в секуляризованном обществе сохраняется применение «верб» в религиозной и традиционной обрядовой сфере и в то же время усиливается значение освященных предметов как элемента культурной традиции.

Литература

- БСЭ 1971 — Верб / Скворцов А.К. // Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т. 4. С. 523.
- Ганцкая 1977 — Ганцкая О.А. Поляки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977. С. 202—220.
- Даль 1978 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
- Земляробчы каляндар 2003 — Земляробчы каляндар. Абрады і звычэй. Мінск, 2003.
- Кашуба 1977 — Кашуба М.С. Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: весенние праздники. М., 1977. С. 243—273.
- Колева 1977 — Колева Т.А. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977. С. 274—295.
- Красновская 1977 — Красновская Н.А. Итальянцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977. С. 12—29.
- Лобачэўская 2003 — Лобачэўская В. Віленскія пальмы // Pogranicza języków. Pogranicza kultur: Studia ofiarowane Elżbiete Smulkowej. Warszawa, 2003. S. 231—238.
- Лозка 2002 — Лозка А. Беларускі народны каляндар. Мінск, 2002.
- Соколова 1979 — Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX — начало XX в.). М., 1979.
- Тлумачальны слоўнік 1977 — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1. Мінск, 1977.
- Токарев, Филимонова 1983 — Токарев С.А., Филимонова Т.Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 145—160.
- Шлыгина 1977 — Шлыгина Н.В. Финны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977. С. 122—134.
- Хийемяэ 1991 — М. Хийемяэ. О народном календаре // Эстонские обычаи и традиции. Таллин, 1991.
- Balys 1993 — Balys J. Lietuvių kalendorinės šventės. Vilnius, 1993.
- Bartkus, Aleksa 1953 — Bartkus F., Aleksa P. Dievas ir žmogus: katalikų tikėjimo tiesos, dorovės reikalavimai ir sielai pašvęsti priemonės. Roma, 1953.
- Danilevič 2004 — Danilevič Ž. Tikėjimas bloga akimi Vlnijoje // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. T. 49—50. [Vilnius], 2004. P. 149—154.
- Kudirka 1992 — Kudirka J. Velykų šventės. Vilnius, 1992.
- Liaudiškojo pamaldumo 2004 — Liaudiškojo pamaldumo ir liturgijos vadovas (Ištrauka) // Bažnyčios žinios. [Vilnius], 2004. № 2. P. 18—19.
- Merkienė 1981 — Merkienė R. Išginimo ritualų analogijos be arealai Lietuvoje ir Vakarų Baltarusijoje (XIX a. antroji — XX a. pirmoji pusė) // Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius, 1981. P. 100—112.
- Merkienė 1997 — Merkienė R. Kultūrų saveikos ir tautinio tapatumas Rytų Lietuvos ir Vakarų Baltarusijos kaime (XIX a. pab. — XX a. pirmoji pusė) // Lituania. [Vilnius], 1997. № 4 (32). P. 66—86.
- Milius 1962 — Milius V. Pirmosios gyvulių išginimo dienos papročiai // Mokslų Akademijos Mokslo Darbai. A Serija. Vilnius, 1962. № 1 (12). P. 197—208.
- Navasaitis et al. 2003 — Navasaitis M., Ozolinčius R., Smaliukas D., Balevičienė J. Lietuvos dendroflora. Kaunas, 2003.
- Ralytė 1995 — Ralytė A. Verbų šventės ir papročiai // Dieveniškės. Vilnius, 1995. P. 353—356.
- Słownik języka polskiego 1992 — Słownik języka polskiego. Wyd. zmienione i poprowione. T. 3. Warszawa, 1992.
- Svidinskaitė 2001 — Svidinskaitė D. «Jau verbela... tai nuo senovės, nuo senų senovės»: išmokti veiksmai (Trakų dekanatas) // Lietuvių katalikų mokslo akademijos Metraštis. [Vilnius], 2001. T. 18. P. 191—222.
- Vyšniauskaitė 1961 — Vyšniauskaitė A. Laidotuvių papročiai Lietuvoje XIX a. — XX a. pirmaisiais dešimtmečiais // Iš lietuvių kultūros istorijos. T. 3. Vilnius, 1961. P. 132—157.
- Vyšniauskaitė 1977 — Vyšniauskaitė A. Rytų Lietuvos ir Vakarų Baltarusijos linų sėjos papročių analogijos XIX a. antrojoje pusėje — XX a. pradžioje // Etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1975 ir 1976 m. Vilnius, 1977. P. 159—169.
- Vyšniauskaitė 1994 — Vyšniauskaitė A. Lietuviai IX a. — XIX a. vidurio istoriniuose šaltiniuose. Vilnius, 1994.
- Žumbakienė 2002 — Žumbakienė G. Gėlių darželiai // Lydos krašto lietuviai. Kaunas, 2002. P. 243—250.